

На вспышку гнева принца Адриан медленно прикрыл глаза и снова открыл их.

Рост принцессы был поразительно стремительным. Она пережила свой первый гон раньше Адриана и достойно перенесла его в одиночку. Кажется, тогда ей было лет пятнадцать-шестнадцать.

Первый гон альфы — если повезёт, его проводят с омегой, которая станет парой, но чаще альфа переживает его в одиночестве. Эта боль была куда сильнее, чем могли представить себе беты, поэтому власть имущие обычно насильно подкладывали альфе либо омегу, либо бету.

Проблема в том, что для беты это нередко оборачивалось тяжёлой нагрузкой на тело и даже неизлечимыми травмами, а для омеги — браком без любви.

В Хенекене на решение этой проблемы потратили немало времени и в конце концов разработали ритуал, создающий эффект, схожий с феромонами, и оказывающий успокаивающее действие.

Адриан знал, что большинство магических кристаллов Линдберг закупает именно у Хенекена, однако принцесса приобрела кристаллы с записанным в них ритуалом всего два раза.

То, что за всё это время она использовала лишь два кристалла, эффект которых со временем ослабевает, означало одно: каждый раз, когда наступал период гона, она в основном справлялась сама.

Если такая принцесса нарастит силу...

Адриан моргнул. Его глаза, скрытые веками, вспыхнули инстинктивным боевым азартом.

Ему почудилось, что появился достойный соперник.

Карл Линдберг всё ещё кипел от гнева.

— Двадцать один год и пятьдесят! Это же возраст отца! Разве так бывает?!

Он с яростью смотрел исподлобья и с силой ударил ладонью по столу — движение было на удивление крепким и уверенным.

Адриан уже слышал, что на обсуждении брака принц якобы лёг на пол и всеми силами мешал переговорам.

Невольно подавляя смешок, наследный принц холодно произнёс:

— Итак, к сути?

— А... да. Суть в том, что я передам вам все права на добычу магических кристаллов в горах Мочу. Взамен прошу объединить усилия и спасти народ Линдберга.

Выпалив это на одном дыхании, Карл с тревогой следил за тем, как медленно приоткрываются губы Адриана.

— Каким образом принц собирается передать права на добычу, если король ещё жив? Вы ведь не предлагаете мне отрубить голову вашему отцу?

На вопрос Адриана Карл Линдберг, словно выучив наизусть, быстро изложил свой план:

— Я принесу государственную печать.

— Печать?

Карл с мрачной решимостью кивнул.

— Если на бумаге стоит оттиск печати, это официальный документ, который никто не может игнорировать. Печать зачарована.

О том, какая сила заключена в этой печати, знали лишь единицы. Откуда мог знать это принц, который двадцать лет «сходил с ума»?

— Политическая жизнь отца уже закончена.

— Почему?

Адриан прекрасно знал, что король Линдберга пристрастился к странному водяному кальяну, который подсовывал ему канцлер, но нарочно задал вопрос.

— Из-за этого вещества отец потерял и здоровье, и доверие. Если выиграть немного времени и отвлечь Китчера, я отправлюсь за печатью.

Карл говорил о пороках собственного отца удивительно спокойно — будто рос не в тепле родительской заботы, а где-то в стороне.

— Ты знаешь, как пользоваться печатью?

— ...Если вдобавок вы научите меня и этому, я сумею распорядиться ею как следует.

Решительный тон и твёрдый взгляд не вязались с каплями пота, выступившими на переносице, — они ясно выдавали, насколько он напряжён.

— Давай я сначала всё обдумаю.

Адриан отпил уже остывший чай и жестом предложил его принцу. Карл, не колеблясь ни секунды, осушил чашку до дна.

В тот миг Адриану вдруг захотелось взять его дрожащую руку.

Двадцать лет — возраст между детством и взрослостью. Наследный принц, чьё тело давно повзрослело, не мог унять волнение с тех пор, как Карл оказался в этом замке.

— Это что такое?

Марко ввалился в комнату, держа в объятиях целую охапку чего-то.

Из плотного бумажного пакета поднимался сладкий, ореховый запах, от которого стало пусто в желудке, хотя я только что поел.

Сияя от гордости, Марко распахнул пакет.

— Мне дали старшие сестрицы-служанки.

Даже шуршание выглядело вкусным.

— Я гулял с Элизабет, и тут они налетели толпой — стали спрашивать, сколько мне лет, ел ли я. А потом дали сладости.

Лицо Марко вспыхнуло от радости — похоже, впервые в жизни кто-то, кроме принца, проявил к нему доброту.

— Ого! Да это же каштановое печенье!

В пакете лежало то, что я прекрасно знал. Печенье из миндальной муки с яичным желтком и молоком, выдавленное в форме каштанов и запечённое.

Светло-коричневые мягкие печенья заставили слюну хлынуть рекой.

Вообще-то они были для Марко, но рука сама потянулась — я схватил одно и откусил. Сладкая начинка тут же наполнила рот.

— Ух ты, это сделано как надо.

Я не слышал, как Марко зовёт: «Ваше высочество?» — потому что уже запихнул в рот третье печенье подряд. Горло перехватило, но настроение было отличное.

В детстве я часто ел такие. Не думал, что встречу их здесь.

— Откуда вы знаете это печенье? Говорят, это традиционное угощение Хенекена, его часто едят простолюдины.

Я кое-как проглотил, похлопал себя по груди и буркнул:

— Э-э... В детстве часто ел что-то похожее. Наверное, показалось. Вкус немного другой.

К счастью, добродушный и преданный Марко просто рассмеялся: раз принц так сказал — значит, так и есть.

— Я такое впервые пробую.

Его лицо, словно у человека, увидевшего золото, переполняло восхищение.

— Мягкое. Ореховое и сладкое. Мне нравится даже больше, чем печенье, которое вы иногда давали.

— Мне тоже. Очень вкусно.

Мы уселись рядом и, передавая друг другу печенье, вмиг прикончили весь пакет.

— Та сестрица посмотрела на меня и сказала, что я слишком худой, что мне, должно быть, пришлось нелегко. А я ответил, что быть рядом с вами — это самое счастливое для меня время.

Марко, улыбаясь и похлопывая себя по животу, выглядел так трогательно, что я без раздумий крепко его обнял.

— А-ах! Ва-ваше высочество, так внезапно!

Марко расширил ноздри, будто ему не хватало воздуха. А мне было всё равно — он был таким жалким и родным.

Может, потому что он напоминал меня в детстве, а может, из-за простой человеческой жалости.

— Марко, всё, что я натворил раньше, я обязательно искуплю — перед тобой и перед Леей.

— Н-но ведь до сих пор... я...

Я приложил палец к его губам, пока он мямлил, что был счастлив.

— Ты ошибаешься. Бить человека или жестоко с ним обращаться без причины, а потом говорить, что он тебе дорог, — это не дружба и не любовь. С этого момента ты будешь учиться здесь, что это такое. Понял?

Марко молча кивнул.

И тут я понял, что на бедре как-то пусто. Моей тёплой, мягкой Элизабет, которую я каждый день тискал, рядом не было.

— Кстати, а где Элизабет?

— А! Пока я разговаривал со служанками, она увидела наследного принца и побежала к нему...

— Что?!

Сад ведь огромный — это вообще нормально?

Элизабет, для которой весь мир до сих пор ограничивался комнатой Карла, после приезда сюда каждый раз исчезала во время прогулок. Раньше мы всегда были рядом — Марко или я, так что было спокойно.

— Не волнуйтесь, Элизабет так же любит вас, как и я, она обязательно вернётся...

Марко осёкся на полуслове и побледнел, будто увидел призрака.

В ту же секунду между нами проскользнул коричневый комок шерсти, а вместе с ним раздался ледяной голос наследного принца:

— Даже представить не мог, что у вас... такие отношения.

И всё-таки богатая страна отличается во всём.

Это чувствовалось и по чистым рукавам строгих, но не скованных формой солдат, и по безупречно выглаженным юбкам служанок.

Полгода после вселения, неделя в стране главного героя — и всего за неделю я на собственной шкуре ощутил разницу в уровне благосостояния, невольно проникшись уважением к предвзятому замыслу автора.

— Чай вам не по вкусу?

Мужчина, сидевший напротив, внезапно задал вопрос.

— Нет, очень вкусный. Наверное, из-за атмосферы здесь.

Или потому что передо мной «магазин лиц главного героя», — добавил я про себя, тихо хихикнув.

Тот самый типаж, о котором Чон Чжэ Ён пела мне каждый день. Она говорила, что внешность — не главное, но, честно говоря, когда такой человек сидит перед тобой, понимаешь: внешность всё-таки имеет значение.

Высокий нос, красиво приподнятый лоб, зелёные глаза и ямочка, появляющаяся только на одной щеке — лицо без единого изъяна.

А если к этому добавить его фирменную, слегка загадочную улыбку, будто встроенную по умолчанию, — так это вообще идеальный кандидат, проходящий любое знакомство без препятствий.

Я сделал глоток чая и украдкой посмотрел на наследного принца.

Если бы Чон Чжэ Ён оказалась внутри этого романа, она бы точно сошла с ума — носилась бы как угорелая, приговаривая: «Вот он, мой любимчик. Идеален».

И ведь не только лицо.

Широкие плечи, мощная грудь, объёмная грудная клетка и крепкие бёдра. С древности говорили, что именно грудь и бёдра — символ силы.

Пусть я и стал бледным, хилым злодеем, но если мне удастся свести Лею с наследным принцем, я всерьёз возьмусь за тренировки.

Стоит только вспомнить, как от десяти отжиманий я валился пластом на час, и сразу тянет обратно — к прежнему себе с обычным лицом, но руками, закалёнными годами физического труда, и загорелой кожей.

А ещё — выучить какие-нибудь навыки, заняться учёбой, накопить денег, путешествовать, искать вкусные места.

Стоило подумать о прошлой жизни, где я жил, надрываясь ради одной младшей сестры, и о жизни в Линдберге, похожей на тюрьму без решёток, как плечи невольно передёрнуло от дрожи.

<http://bllate.org/book/13881/1265796>